

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие.</i>	8
-------------------------------	---

Часть первая. Императрица Екатерина I Алексеевна (январь 1725 года — май 1727 года)

<i>Глава 1. После... После!</i>	15
Любовь к низким потолкам	16
Династический пасьянс	18
Две «партии»	22
Меншиков кует свое счастье	25
Ночные прения сторон	28
Кому возрощенное передать?	31
Упование на внука	35
Виват, наша государыня!	42
<i>Глава 2. До чего мы дожили, о россияне?</i>	49
Печальная сала	50
Лейб-Ферд, или Праздник похорон	51
Слово на погребение	55
<i>Глава 3. Может ли кухарка управлять государством?</i>	59
Показуя свою милость	60
Клубок друзей	63
Бунт на мосту	67
Прелестная полонянка и ее босоногая родня	70
Вакханка на троне	76
<i>Глава 4. Петра уж нет, а проблемы остались.</i>	81
Состояние России как нецветущее	82
Совет «при боку» императрицы, а не наоборот	87
О государственной пользе, или Удовольствие пинать мертвого льва	93
О начальстве и пользе акциденции	98
<i>Глава 5. Империю никто не отменял</i>	107
Обзирая наследие исполина	108
Персидская рана. На пороге «Войны мести»	110
А теперь «Курляндский вопрос»	115
В поисках надежного союзника на века	117

Часть вторая. Император Петр II Алексеевич (май 1727 года — январь 1730 года)

<i>Глава 6. Менишиков у власти</i>	129
Как удержаться в седле на крутом повороте истории	130
Бумажка, решавшая судьбу империи	139
Пять месяцев на вершине	142
Из князя в грязи	145
<i>Глава 7. Петр дичал...</i>	155
Верный ученик Артемиды	156
Без руля и без ветрил	163
Зачем учиться, когда можно жениться	169

Часть третья. Императрица Анна Иоанновна (февраль 1730 года — октябрь 1740 года)

<i>Глава 8. Можно ли прожить без самодержавия</i>	177
Оспа и любовь минуют лишь немногих	178
«Запрягайте сани, хочу к сестре!»	179
Семейный заговор Долгоруких	180
«Нам ничего не остается, как обратиться к женской линии»	185
Надеть намордник на спящего тигра	192
Архипыч-то был прав!	198
Не хлебом единым...	199
Гвардейцы, наоравшие самодержавие	213
<i>Глава 9. Порфирородная особа, или Бедная родственница</i>	223
Три жизни царевны Анны	224
Измайловская прохлада	228
Овеваемая балтийскими ветрами	231
Первая жертва брачных комбинаций	232
Судьба семнадцатилетней вдовицы	237
Нелюбимая дочь	240
Упоительный Мориц, изгнанный Меншиковым	242
Да не ослезите меня, сирой!	247
<i>Глава 10. Всероссийская помещица и ее двор</i>	251
<i>Глава 11. Групповой портрет с императрицей</i>	281
Герцог Бирон, или Любимый обер-камергер	282
Фельдмаршал Миних, или «Столп Российской империи»	311

Остерман, или Человек за кулисами	332
«Тело кабинета», или Как раздобыть мешочек храбрости	337
Ученый лукавый поп	340
Начальник тайной канцелярии, или Сообщник	347
<i>Глава 12. «Во многие годы дна не дойдем», или Внутренняя политика</i>	
В поисках опоры под ногами	354
Кабинет министров как перелицованный Верховный тайный совет	361
У истоков дворянской эмансипации	368
Гора Благодать, или «Ту фабрику размножить сильною рукою»	371
«Объявить указ с гневом», или Можно ли командовать шепотом	375
<i>Глава 13. Россия в недружной семье народов</i>	
А австрийцы все же надежней	384
Генеральная репетиция разделов Речи Посполитой	387
Слезы Бахчисарая, или «Срамной мир»	397
Крымский поход	404
Самопадение Очакова	410
Панические Ставучаны	412
Срамной мир	415
<i>Глава 14. Бироновщина как миф русской истории</i>	
Иностранцы: добро или зло?	418
Космополитическая камарилья	427
Как делили промышленность и на что разбегались глаза Бирона	438
Разорение балами и гарями	444
Чей кнут гуманней?	446
«Государев гнев — посланник смерти»	448
Дело Артемия Волынского	455
<i>Глава 15. «Ее величество, глядя на него, сказала: „Небось!“»</i>	
Последняя борьба у смертного ложа	478
Заключение	482
Послесловие автора	485
Аннотированный указатель	488

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческое время между царствованиями Петра Великого и Екатерины II, также названной Великой, как бы проваливается в сознании людей, поверхностно знакомых с российской историей XVIII века. Да это и понятно — время Петра I напоминает ослепительную вспышку, после которой трудно рассмотреть что-либо другое. Грандиозные реформы, охватившие абсолютно все сферы русской действительности, иная, чем прежде, философия жизни и вообще все новое, непривычное: от огромного военно-морского флота и города на берегах Невы до алфавита и башмаков — эти и тысячи других явлений, черт и черточек уже современникам говорили о необычности времени, в которое они жили, о фантастическом происшествии (для многих — несчастье) со страной, о головокружительной перемене, совершившейся с ней за каких-то два с половиной десятилетия. Особую остроту этим впечатлениям придавали методы, которыми внедрялось, точнее — навязывалось Петром новое. В последнем слове знаменитой пушкинской фразы: «Россию поднял на дыбы» — в принципе можно поставить два разных ударения, и оба варианта дают два выразительных образа для обозначения происшедшего со страной при Петре Великом.

После яркой реформаторской вспышки короткие послепетровские царствования, калейдоскопическая быстрота смены самодержцев и фаворитов оставляют впечатление убожества, ничтожности, бессмысленности. Почти четыре послепетровских десятилетия — от Петра I до Екатерины II — в сознании потомков как бы сжимаются до нескольких лет, и кажется, что длившееся бесконечно долго тридцатипятилетнее царствование царя-исполина (1689–1725) почти сразу же сменяется таким же ярким, плодотворным, одним словом — «славным» царствованием

Екатерины Великой (1762–1796). Когда после некоторого времени застоя снова победно засверкало грозное русское оружие и пределы империи опять стали расширяться, заблестал русский гений, вновь пришли великолепные достижения и победы в различных сферах человеческой деятельности — идет ли речь о фельдмаршале Румянцеве или механике Кулибине, поэте Державине, адмирале Ушакове, драматурге Фонвизине или генералиссимусе Суворове.

Послепетровское время называют эпохой дворцовых переворотов. Это пусть и не совсем точное определение прижилось в литературе, искусстве, оно было усвоено общественным сознанием, и заменить его маловыразительным и в принципе неточным хронологическим определением «вторая четверть XVIII века» не удалось. У меня нет намерения вторгаться в спор о том, как называть ту или иную эпоху, я хочу, не ставя никаких историософских задач, рассказать о первых трех не особенно известных широкой читательской массе послепетровских царствованиях: Екатерины I (1725–1727), Петра II (1727–1730) и Анны Иоанновны (1730–1740).

Маленькой горкой книжек и брошюр по сравнению с Монбланом литературы о Петре Великом выглядит все, что было написано за два с половиной столетия о времени Екатерины I, Петра II и Анны. Если исключить широко известные курсы истории России, подобные «Курсу русской истории» В. О. Ключевского или «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, то можно назвать лишь несколько книг, достойных внимания читателя, желающего углубить свои знания о том времени. Это две брошюры К. И. Арсеньева «Царствование Петра II» (СПб., 1839) и «Царствование Екатерины I» (СПб., 1856), с которых, в сущности, и начинается историография первых послепетровских царствований. Достойны упоминания и книги профессора Д. А. Корсакова «Воцарение императрицы Анны Иоанновны» (Казань, 1880) и В. Н. Строева «Бироновщина и Кабинет министров» (М., 1909–1910).

Требуют осторожного, критического чтения основанная на легендах работа князя П. В. Долгорукова «Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны» (М., 1909), а также две книги известного польского популяризатора русской истории

Казимира Валишевского — «Царство женщин» (М., 1911) и «Наследие Петра Великого» (СПб., 1906).

Советская историография упорно демонстрировала пренебрежение к этому периоду русской истории и интерпретировала его однозначно как безвременье, как нечто переходное от одной эпохи к другой, как подготовку к Пугачевскому восстанию, очередной классовой битве — «движущей силе истории». Именно к этой мысли подводили читателя две книги, вышедшие в советское время и посвященные послепетровскому периоду. Их названия весьма характерны: «Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-е гг. XVIII века» (П. К. Алифиренко. М., 1958) и «Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII веке. 1725–1773 гг.» (В. В. Мавродин. Л., 1964).

Когда же заходила речь о довольно запутанной политической ситуации после смерти Петра I, не назначившего наследника, то для объяснения всего и вся шла наиболее подходящая фраза В. И. Ленина о том, что, в отличие от пролетарского переворота 1917 года, в XVIII веке «дворцовые перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой», что в принципе верно, хотя ничего и не объясняет. Невнимание историков-профессионалов к эпохе дворцовых переворотов привело к тому, что знания о ней любознательный читатель черпал главным образом из романов Валентина Пикуля «Слово и дело», «Пером и шпагой» и других. Лишенные чувства историзма, основанные на весьма вольной трактовке фактов, они несли в себе хоть какую-то информацию, и не раз после публичных лекций ко мне подходили люди с конспектами, составленными по романам Пикуля, с тем чтобы я помог им отделить плоды буйной фантазии романиста от подлинных фактов истории.

Впрочем, феноменальный успех романов Пикуля вполне заслужен и объясняется не только полной немощью советской исторической науки, не способной противопоставить темпераментному романисту правдивую книгу, но и временем, когда массовый читательский интерес к «исторической клубничке» из жизни Анны или Елизаветы объяснялся общественной

обстановкой и нравами семидесятых — начала восьмидесятых годов XX века. И Пикуль чутко уловил общественный запрос и оперативно и умело откликнулся на него. Более того, романы Пикуля о XVIII веке пользовались колоссальным успехом еще и потому, что застой и гниение оказались чем-то созвучными послепетровской эпохе с ничтожными личностями у власти, душной атмосферой передних во дворцах правителей и придворных, мелочностью и страхом.

Одним словом — безвременье. Но не будем забывать, что это безвременье сожрало у многих из нас лучшие, самые плодотворные годы жизни, а многие так и умерли в убеждении, что так будет вечно — что при Анне Иоанновне, что при Брежневе.

Но утешим себя мыслью, что в Истории нет безвременья. История ровна, сильна и равнодушна, это поток, текущий из нашего прошлого в будущее, и перед ней все равны — гении и ничтожества, добрые и злые. Ведь все зависит от наших претензий, амбиций, требований и заблуждений, от точки зрения наблюдателя на берегу этого потока, пока за ним самим не приплывет Харон.

Вот и я имею пристрастие к послепетровской эпохе. И не только потому, что большая часть моей жизни прошла при нашем застое, но и потому, что все люди всегда интересны и их судьбы поучительны для нас, и в каждом историческом пейзаже есть красота и неповторимость, есть своя драма, сопереживая которой мы расширяем свой мир во времени и как бы живем несколько раз. Всегда, во все времена интересны прежде всего живые люди, их черты, их проявления, страсти, чудачества. Именно поэтому, пока будет жить человечество, будут жить книги Плутарха и Светония. Пройдут века — и люди все равно будут жадно читать жизнеописания Наполеона, Черчилля, Екатерины II. Так устроен человек.

В постсоветские годы ситуация начала стремительно меняться. Свобода для историков — в том числе свобода выбора сюжетов и времен. И послепетровское время не осталось в новой России без своих историографов. Среди них следует особо отметить работы И. В. Курукина — ученого, который на широкой источниковой базе, с оптимальным привлечением опубликованных источников и научной литературы создал обобщающее

исследование, без которого теперь не сможет обойтись ни один специалист по данной проблематике. Речь идет о его фундаментальной книге «Эпоха „дворских бурь“: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг.» (Рязань, 2003). Это не значит, что И. В. Курукин навсегда «закрыв тему», поставил все точки над *i*. Тем и замечательна история, что ее пространство безгранично, что возможности интерпретации источников никогда не будут исчерпаны.

Человек вообще устроен как звено в непрерывной цепи, протянутой из прошлого в будущее. Если мы есть, значит, было и звено нашего предка, жившего в двадцатые-тридцатые годы XVIII века, значит, уже одно это осмысляет его существование для нас, делает его время и его жизнь ценной, точнее — бесценной, ведь цепочку во времени так легко было порвать случаю, року, и тогда бы мы не появились на свет. Читая документы тех лет, видишь, как обрываются одни нити жизни и завязываются другие, как рождаются люди, без которых невозможна последующая история, а они какое-то время совсем неизвестны и об их грядущей славе никто из современников даже не догадывается; только историк знает, что там за крошечный мальчик родился в Зальцбурге у музыканта Леопольда Моцарта или что за прелестная девочка появилась на свет в Штеттине у принцессы Иоганны-Елизаветы Ангальт-Цербской. Историк будто ощущает, как в толще времени возникают еще неясные токи будущего, и видит, как сквозь увеличительное стекло времени, то, что они, современники Екатерины I или Анны, тогда не могли разглядеть, понять, оценить, и одновременно осознает, что подобным же образом живем мы, люди конца XX — XXI века, и будущий историк поднесет к нашему времени свою «лупу» и будет с замиранием сердца отыскивать факты, устанавливать связи между событиями, распутывать узелки, запутанные временем и людьми. И еще важно помнить, что в каждый момент жизни всегда есть несколько возможных путей ее движения, есть несколько направлений, из которых реализуется лишь одно — то, которое потом называют единственным вариантом истории.

Обратимся к нему...